

изучение въ кружкахъ современной социальной проблемы и предлагаемыхъ методовъ ея решения. А такъ какъ «вѣра безъ дѣлъ мертвъ», то уже теперь для всѣхъ открыта возможность практическаго служенія въ специальныхъ группахъ соціальной (благотворительной) работы.

Съ какого бы конца мы ни подходили къ соціальной проблемѣ, она обнаруживаетъ свою связь съ христіанствомъ и церковностью. Во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ соціализмъ оказывается (какъ и ереси) склонившимся отпрыскомъ церковнаго дерева. Но ереси всегда ставятъ передъ Церковью вопросы, на которые сами безъ силы отвѣтить.

Соціализмъ ставитъ вопросъ о хлѣбѣ. И Церковь (не забывая о Словѣ) молится: «Хлѣбъ нашъ наущный даждь намъ днесъ».

Соціализмъ ставитъ вопросъ о «трудящихся и обремененныхъ», и притча о ботатомъ и Лазарѣ показываетъ грозное значение проблемы о богатствѣ и бѣдности. Служеніе діаконское въ Церкви имѣетъ, по свидѣтельству Дѣяній, прежде всего соціальный смыслъ.

Соціализмъ ставитъ вопросъ о грѣхѣ, т. е. о развращающемъ бытѣ капиталистического общества. Но «горе тому, кто соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ».

Соціализмъ ставитъ вопросъ о Словѣ, т. е. о культурномъ подъемѣ и воспитаніи одичавшихъ, темныхъ массъ народа:

«Свѣть Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ».

Соціализмъ ставитъ вопросъ о технической реорганизаціи общественной стихіи. Но это есть слѣдствіе царственной власти Адама надъ природой (и соціальной).

Соціализмъ ставитъ вопросъ объ общеніи и братствѣ людей; о преодолѣніи порочнаго одиночества, индивидуализма сознаній. Въ этой правдѣ его всего сильнѣе звучитъ церковная идея творимаго тѣла Христова. Достоевскій, отрицаю соціализмъ, недаромъ говорилъ: «Русскій соціализмъ — это православіе», имѣя въ виду богатство церковной идеи, чающей资料 ofего жизненнаго раскрытия въ православіи.

Задача братскаго общенія во Христѣ ставится въ жизни Церкви нашего времени — въ возрожденіи движеніи братствъ, въ растущемъ тяготѣніи къ Евхаристической Чаѣ. Со временемъ первыхъ христіанъ, никогда еще Таинство Крови не стояло въ такой степени въ самомъ средоточіи религіозной жизни. Древніе христіане окружали св. Чащу братскимъ пиршествомъ агапъ, этимъ естественнымъ движеніемъ къ реализаціи братскаго общенія. Будемъ же почерпать въ Тѣлѣ и Крови Господнихъ силы и вдохновеніе къ трудной работѣ по созиданію церковнаго тѣла, т. е. всечеловѣческаго общенія любви, въ мірѣ, раздирамомъ ненавистью и злобой.

О мѣстѣ Ветхаго Завѣта въ христіанствѣ.

Замѣтка о. Шореца о Ветхомъ Завѣтѣ въ февральскомъ номерѣ «Вѣстника Движенія» даетъ поводъ заговорить о мѣстѣ Ветхаго Завѣта въ христіанствѣ, въ виду того, что въ нашемъ православномъ обществѣ по этому вопросу не существуетъ ясно и твердо установленного мнѣнія.

Вопросъ о Ветхомъ Завѣтѣ для многихъ является предметомъ преткновенія и соблазна.

Отчасти подъ вліяніемъ отрицательной богословской критики, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ Новымъ Завѣтомъ, съ писаніями отцовъ Церкви и съ православнымъ богослуженіемъ, а от-

части и вслѣдствіе остро-богъзненнаго юдообства у насъ существуетъ рѣзко недоброжелательное отношеніе къ Ветхому Завѣту. Въ немъ не хотятъ видѣть священной исторіи до-христіанского человѣчества, раскрытия путей Промысла Божія въ подготовленіи человѣчества къ принятію Спасителя міра. Въ книгахъ Ветхаго Завѣта не замѣчаютъ Духа Божія, «глаголавшаго пророки». Въ немъ видѣть часто лишь легендарную и пропитанную национальнымъ тщеславіемъ обычновенійную исторію еврейскаго народа, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваютъ и всѣ ветхозавѣтныя событія и всѣхъ великихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Бога Ветхаго Завѣта, **жестокаго еврейскаго Іегову**, противопоставляютъ милосердному христіанскому Богу Евангелія.

Недавно въ нашемъ же «Вѣстникѣ» Джиженія авторъ одной интересной, талантливой и во многомъ справедливой статьи выразился о псалмахъ пророка Давида слѣдующими словами: «Пророкъ еврейскаго Бога Адонай училъ: работайте Господеви со страхомъ, и радуйтесь ему съ трепетомъ. Какія страшныя слова! Работать въ страхѣ, радоваться въ трепетѣ, да это изъ «Хижины дяди Тома», практика совѣтская».. Авторъ совсѣмъ упустилъ изъ виду, что слова псалмопѣвца Давида, вызвавшія его негодованіе, каждую субботу поются за всенощной въ православной церкви, которая не стала бы ихъ пѣть, если бы въ нихъ не заключалось глубокаго и вѣрнаго христіанскаго чувства.

Правильное отношеніе къ Ветхому Завѣту можетъ быть установлено не на основаніи тѣхъ или иныхъ личныхъ и частныхъ соображеній, какъ бы юни ни казались справедливыми, а лишь на основаніи общаго голоса церкви, выраженнаго прежде всего въ Священномъ Писаніи Нового Завѣта, а затѣмъ въ писаніяхъ Св. Отцовъ Церкви и въ церковномъ богослуженіи.

На основаніи этихъ источниковъ мы

должны признать, что Ветхій Завѣтъ гѣсто и неразрывно, органически связанъ съ Новымъ Завѣтомъ и составляетъ съ нимъ единое цѣлое. Ветхій Завѣтъ есть прообразъ, пророчество и путеводитель къ Новому Завѣту, Новый Завѣтъ есть осуществленіе и исполненіе Ветхаго Завѣта. Въ томъ и другомъ открывается и дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Богъ, прославляемый въ Св. Троицѣ. Этимъ пониманіемъ взаимоотношенія Ветхаго и Нового Завѣтовъ проникнутъ и весь Новый Завѣтъ. Мы не имѣемъ возможности выписывать здѣсь всѣ ветхозавѣтныя пророчества обѣ Іисусѣ Христѣ, которыхъ приводятся въ Новомъ Завѣтѣ, и на которыхъ ссылается самъ Господь Іисусъ Христосъ. Но достаточно отмѣтить, что въ словахъ и бесѣдахъ Господа нерѣдко встречаются мысли и слова, взятыя изъ Моисея и пророковъ. Невѣрующимъ іудеямъ Господь говорилъ: «Изслѣдуйте Писанія, ибо вы думаете черезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о мнѣ» (Іоан. V. 39). Въ Дѣяніяхъ св. апостоловъ, въ рѣчахъ ап. Петра, первомуученика Стефана, ап. Павла и другихъ апостоловъ — всюду удостовѣряются единство и неразрывная связь Ветхаго и Нового Завѣтовъ. 11-я глава посланія ап. Павла къ евреямъ заключаетъ въ себѣ пламенное прославленіе ветхозавѣтныхъ праведниковъ отъ Авеля до послѣднихъ дней, жившихъ вѣрою въ Грядущаго Спасителя. Тотъ же апостоль пишетъ своему ученику Тимоѳею: «Ты изъ дѣтства знаешь священные писанія, которые могутъ умудрить тебя во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Все Писаніе богодухновенно, и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности» (2 Тим. III. 16).

Такое же отношеніе къ Ветхому Завѣту и къ ветхозавѣтнымъ праведникамъ мы находимъ и у отцовъ Церкви. На своихъ соборахъ Церковь осуждала и отлучала ють себя тѣхъ, кто отдалялъ и про-

тивопоставляль Ветхій Завѣтъ Новому, и Бога Ветхаго Завѣта Богу Нового Завѣта.

Наше православное богослужение наполовину состоитъ изъ пѣснопѣній Ветхаго Завѣта — псалмовъ Давида и другихъ ветхозавѣтныхъ молитвъ, исполненныхъ силы и глубины религіознаго одушевленія. Для прославленія ветхозавѣтныхъ праведниковъ Церковью назначены два послѣднихъ воскресенья передъ праздникомъ Рождества Христова. Препод. Андрей Критскій въ своемъ великомъ канонѣ, читаемомъ въ Православной Церкви на 1 и 5 седмицахъ Великаго Поста — объединяетъ въ покаянномъ и молитвенномъ чувствѣ события и святыхъ Ветхаго и Нового Завѣта. Все это показываетъ, что въ сознаніи православной церкви нѣть никакого раздѣленія и тѣмъ болѣе противопоставленія между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. Тотъ и другой равнымъ образомъ, хотя и не въ равной полнотѣ, заключаютъ въ себѣ откровеніе Единаго Бога и свидѣтельствуютъ о путяхъ Промысла Божія въ дѣлѣ спасенія человѣчества.

Но если Православная Церковь учитъ насъ смотрѣть на оба Завѣта, какъ на одно неразрывное цѣлое, то возникаетъ другой вопросъ: всѣ ли предписанія Ветхаго Завѣта она считаетъ равноцѣнными и равно обязательными для членовъ Христовой Церкви? Вопросъ этотъ не новый. Онъ возникъ еще во времена апостольскія, и апостолами же дано было ему первое разрѣшеніе. Содержаніе Ветхаго Завѣта разнообразно: въ немъ описываются историческая события, подвиги и паденія святыхъ, имѣются богодохновенные пророчества, прообразы и обѣтования о Христѣ, исполненные глубокаго чувства молитвы и псалмы, правила нравственной и религіозной жизни и, наконецъ, порядокъ богослуженія и праздниковъ. Все это разнообразное содержаніе, хотя исходитъ изъ одного и того же источника,

установленія Божія, имѣеть различное значеніе. Однѣ части этого содержанія имѣютъ временное значеніе, другія вѣчное. Однѣ части потеряли свой смыслъ съ пришествіемъ на землю Сына Божія, другія сохранили свое значеніе и въ христианствѣ. Закланіе Пасхальнаго Агнца и принесеніе ветхозавѣтныхъ жертвъ имѣли свое прообразовательное значеніе только до принесенія всемирной Голгоѳской искупительной жертвы, послѣ которой они потеряли свой смыслъ. Всѣ обѣтования, прообразы и пророчества Ветхаго Завѣта, послѣ того, какъ они получили свое исполненіе въ лицѣ Господа Іисуса Христа, естественно должны были упраздниться. Точно такъ же упразднился и весь обрядовый, богослужебный и праздничный чинъ іудейскій, или, лучше сказать, преобразился въ христіанскій обрядово-богослужебный порядокъ. Въ христіанское богослуженіе вошли и всѣ ветхозавѣтные псалмы, молитвы и чтенія изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, частью какъ вѣчное выраженіе молитвенныхъ и покаянныхъ чувствъ, частью какъ воспоминаніе о до-христіанскихъ путяхъ Промысла Божія, и о примѣрахъ высокой праведной жизни.

То постановленіе апостольского собора, о которомъ упоминаетъ о. Шорецъ, какъ извѣстно изъ книги Дѣянія св. апостоловъ, имѣло своею цѣлью лишь разрѣшить вопросъ объ обязательности для христіанъ изъ язычниковъ соблюденія обрядового Моисеева закона, и не касалось ни вопроса о сохраненіи въ христіанскомъ богослуженіи ветхозавѣтныхъ молитвъ, ни исполненія заповѣдей десятоглавія. Если бы это постановленіе отмѣняло для христіанъ все ветхозавѣтное, то, конечно, мы бы теперь не молились въ церкви словами Давидовыхъ псалмовъ, и не слышали бы покаянной молитвы царя Манассія, или хвалебныхъ славословія трехъ отроковъ въ пещи Вавилонской.

По какому праву Церковь замѣнила

празднованіе субботы празднованіемъ воскресенья? На это можно отвѣтить — по праву, данному ей самимъ событиемъ Воскресенія Христова. Воскресеніе Христово просто затмило ветхозавѣтную субботу. Оно не упраздило ея — Православная Церковь и теперь отличаетъ субботу. Оно не упраздило ея — Правоконечно, ей не тягаться съ воскресеньемъ, когда и «небесная веселятся, и земная радуются», какъ бы ни огорчались этимъ адвентисты 7-го дня и другіе сектанты.

Христианство не отмѣнило и заповѣдей десятословія. Да и какъ оно могло бы отмѣнить заповѣди: почитай отца и мать, не убий, не прелюбодѣйствуй, не кради, не желай чужой жены, чужого добра?! Отецъ Шорецъ указываетъ, что христианство замѣнило эти заповѣди заповѣдью о любви къ Богу и ближнему. Но онъ упускаетъ изъ виду, что эта послѣдняя заповѣдь не принадлежитъ исключительно Новому Завѣту, — она взята изъ Ветхаго Завѣта (Второз. VI, 4-5. Левит. XIX, 18). И если, какъ онъ утверждаетъ, Евангеліе отмѣняетъ заповѣди десятословія, то оно вмѣстѣ съ ними должно отмѣнить и заповѣдь о любви къ Богу и ближнему, тѣмъ болѣе, что заповѣди десятословія суть только детальное и конкретное раскрытие заповѣди о любви къ Богу и ближнему.

Что Господь Іисусъ Христось не отмѣнялъ заповѣдей десятословія, а, наоборотъ, требовалъ ихъ исполненія, это видно изъ его словъ, сказанныхъ богатому юношѣ.

Не мое дѣло — защищать о. Льва Жиле. Но мнѣ кажется, что онъ въ своей статьѣ «Христось — моя жизнь» даетъ затронутому о. Шорецомъ вопросу нѣсколько иную постановку. О. Шорецъ ни словомъ не упомянулъ о той первой половинѣ статьи о. Льва, которая послужила ему основаніемъ для заключенія о томъ, что Евангеліе отмѣнило десятосло-

віе. Оно отмѣнило десятословіе, какъ виѣшній принудительный законъ, при условіи, что Христось — стать жизнью христіанина. Конечно, когда Христось сталъ жизнью христіанина, тогда заповѣди десятословія переходятъ въ сердце христіанина, становятся его внутреннимъ двигателемъ, и перестаютъ быть виѣшнепринудительнымъ закономъ. Онъ отмѣняются, какъ законъ виѣшній, но остаются и утверждаются, какъ законъ внутренний, законъ совѣсти. Въ этомъ случаѣ происходитъ то же самое, что выражено ап. Павломъ въ словахъ «праведнику законъ не лежитъ». Законъ для праведника не отмѣняется, но онъ «не лежитъ» предъ нимъ, какъ виѣшнее правило, потому что онъ носитъ его въ сердцѣ своеемъ.

Ссылка о. Шореца на 1 Тим. I, 9-10 совершиенно вѣрная, но лишь при условіи ношенія Христа въ сердцѣ своемъ, какъ это указываетъ о. Левъ, и о чемъ умалчиваетъ о. Шорецъ.

Такимъ образомъ, христианство, въ сущности, не отмѣняетъ десятословія, а переводить его изъ положенія виѣшне-принудительного закона въ положеніе внутренняго закона совѣсти, начертаннаго на скрижаляхъ сердца. Кто во Христѣ Іисусѣ, тотъ новая тварь.

«Вотъ наступаютъ дни, говорить Госпокъ, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ... Вложу законы Мои въ мысли ихъ и напишу ихъ на сердцахъ ихъ, и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ. И не будетъ учить каждый ближняго своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что всѣ, отъ малаго до большого, будутъ знать Меня» (Перем. XXXI, 31-34. Евр. VIII, 8-11).

Вотъ то предусловіе, при которомъ становятся понятными и приемлемыми заключенія о. Льва, но котораго мы не находимъ въ замѣткѣ о. Шореца.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.